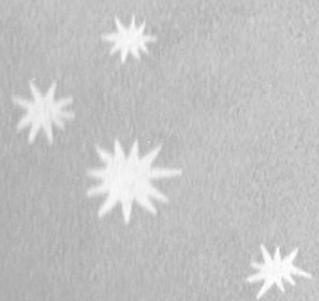

АЛЕКСАНДР
ЖИТИНСКИЙ

*УТРЕННИЙ
СНЕГ*

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ

*УТРЕННИЙ
СНЕГ*

АЛЕКСАНДР
ЖИТИНСКИЙ

*УТРЕННИЙ
СЧЕТ*

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1976

P2
Ж74

«Утренний снег» — первая книга стихов Александра Житинского. Он родился в 1941 году, живет в Ленинграде, пишет стихи и прозу. Стихи А. Житинского печатались в журналах «Юность», «Аврора», «Нева» и в альманахе «Молодой Ленинград».

© Издательство «Советский писатель», 1976 г.

Ж $\frac{70402-327}{083(02)-76}$ 148-77

У ПЕТРОПАВЛОВКИ

* * *

Вот город мой: собор граничит с небом,
Фонтанка, вся засыпанная снегом,
Набухшие от сырости дома
И мокрая, как варежка, зима.

Вот город: он возник за поворотом —
Автомобиль с забрызганным капотом,
Слепой на перекрестке светофор
И день, ушедший крадучись, как вор.

Вот город: он хрипит уже, простужен.
Вот Летний сад за вьюгой обнаружен.
Речной гранит лежит на берегу
И выгибает мостики в дугу.

Вот город мой: принадлежит любому,
Но произносишь: «Нет, не мне, другому!..»,
Но произносишь: «Вовсе никому!..» —
Весь до корней принадлежа ему.

* * *

В капризном рисунке зимы
Деревья и люди размыты.
Вот в Летнем саду — это мы,
А статуи плотно забиты.

Вот в Летнем саду — это нас
Кружило, как листья, недавно.
Теперь мы взрослее на час,
И снег опускается плавно.

Теперь мы выходим вдвоем
Прогуливаться по аллеям,
И вот, обогнув водоем,
Взглянуть друг на друга не смеем.

* * *

Дворник со скребком,
Музыкант со скрипкой.
Пес бежит бочком,
Сфинкс лежит с улыбкой.

Странен зимний путь!
Всюду знак вопроса.
Снег летит, чуть-чуть
Наклоненный косо.

И река, и мост
Лейтенанта Шмидта,
И заморский гость
Белой ниткой шиты.

Мало кто знаком
В панораме зыбкой —
Дворник со скребком,
Музыкант со скрипкой.

У ПЕТРОПАВЛОВКИ

У Петропавловки, где важно ходит птица,
Поваленное дерево лежит.
Вода у берега легонько шевелится,
И отраженный город шевелится,
Сто раз на дню меняя лица,
Пока прозрачный свет от облаков бежит,
Горячим солнцем заливают шпильи
И долго в них, расплавленный, дрожит.

Скажи, мы здесь уже когда-то были?
По льдистым берегам бродили
И слушали вороний гам?
Наверно, это вечность нас задела
Своим крылом. Чего она хотела?
И эта льдинка, что к твоим ногам,
Задумчивая, подплыла и ткнулась, —
Она не берега, она души коснулась,
Чтоб навсегда растаять там.

Живи, апрельский день, не умирая!
Еще и не весна — скорей намек
На теплый солнечный денек,
Когда, пригревшись, рядом на пенек
Присядем мы, о прошлом вспоминая
И наблюдая птицу на лету,
Когда увидим в середине мая
Поваленное дерево в цвету.

* * *

Завтра, весной, я себя обнаружу
Тоненьким листиком вниз головой.
Почкой проклюнусь, покой ваш наруша
Криком: «Живой! Я живой! Я живой!»

Завтра, весной! Это будет во вторник,
Третьего мая. И там, с мостовой,
Свистом своим отзовется мне дворник.
Значит, живой я! Живой! Я живой!

Завтра, весной, меня дождик погладит,
Скатится капля, к земле приклоня. . .
Только вот, чистого воздуха ради,
Я вас прошу — не срывайте меня!

* * *

Родина, услышь меня капелью!
Приюти доверчивым скворцом.
Над твоею снежной колыбелью
Я склонюсь внимательным лицом.

Засвищу я поутру в скворечне,
Каплями весну потороплю, —
Только бы услышала, как нежно,
Как мятежно я тебя люблю.

Я пока не высказал, как надо,
Горести и радости своей.
Ты прости! Пусть будет мне наградой
Вешнее дыхание полей.

* * *

Еще трава растет на свете.
Давайте бегать по траве,
Как будто маленькие дети,
С веселым солнцем в голове.

Еще в лесах не смолкли птицы.
Давайте слушать пенье птиц,
Чтоб в небесах зажглись зарницы
От наших просветленных лиц.

Еще любить не устарело
И целоваться под дождем...
Давайте, раз такое дело,
Смелее жить, пока живем!

* * *

Серебряный кораблик
Над облаком летит.
Мне нравится, мне нравится
Его беспечный вид!

Он легкий и блестящий,
Как щелочной металл.
Ах, век бы я над миром
Корабликом летал!

Чтоб надо мной звенели
Пустые небеса,
Чтоб солнце отражали
Литые паруса,

Чтоб я счастливым не был,
Но пролетал, как дым,
Корабликом по небу
Живительным, живым. . .

* * *

Предчувствие любви прекрасней, чем любовь.
В нем нет упрёка,
Нет горечи невысказанных слов
И повторения урока.
Ты так свободен в мыслях, что порой
Чужой переиначиваешь опыт,
И сердце, увлеченное игрой,
Заранее воспоминанья копит.
Что там случится? .. Камень и вода,
Да ночи перстенок мерцает.
Ведь там предчувствия знакомая звезда
Горит и тает.

* * *

Ты с картины Боттичелли!
Будет то, что быть должно,
Ведь сходить с ума в апреле
В самом деле не грешно.

Пусть щебечут упоенно
Лета дальнего послы
И Ростральные колонны
Пахнут суриком весны.

Пусть капель алмазной гранью
Точит лед под козырьком
И не справиться дыханью
Даже с легким ветерком.

Пусть случится, что случится!
Нет, не так. Пускай легко
Нам придется разлучиться
Там... когда-то... далеко...

* * *

Ты послушай, послушай, послушай
Тишину белой ночи моей!
Я печали ее не нарушу,
Подожду, помолчу вместе с ней.

Над фигурами Летнего сада,
Что белеют в прозрачной среде,
Разлилась неживая прохлада,
Разошлась, как круги на воде.

И над Марсовым полем, и дальше,
Над Михайловским замком самим,
Ночь раскинула строго, без фальши,
Облаков позолоченный дым.

А на тихой реке, на Фонтанке,
Укрываясь в пролетах мостов,
Серебром потемневшей чеканки
Отражаются стекла дворцов.

В пустоте маслянистого света
Каждый отблеск свечою дрожит,
И проститься с прохладою лето,
Слава богу, пока не спешит.

* * *

Эта белая ночь так тиха,
Что прохожих шаги под балконом,
Как ударные стопы стиха,
Во дворах отдаются со звоном.

Эта белая ночь так пуста,
Что словами ее не заполнить,
Но пространство пустого листа
Приглашает все это запомнить.

Эта белая ночь так длинна,
Так странна и так тянется сладко,
Что душа, ее свойствам верна,
Растворяется в ней без остатка.

* * *

Уже незаметное утро
Дотронулось краешков глаз.
Подумай, как просто и мудро
Природа устроила нас.

Она словно знала, как вечны
Признанья твои и нежны,
Как волосы ночью беспечны,
А губы мягки и влажны.

И, день перепутавши с ночью,
Из сна перенесшая в явь,
Она создала нас воочью,
Из утренней мглы изваяв.

* * *

Чертой неуловимую
Мелькнула на стене...
Вернись ко мне, любимая!
И задержись во сне.

Чтоб я тебя, летучую
И зыбкую, как дым,
Ласкал, не веря случаю,
Дыханием своим.

Но не достигнуть голосом
Тебя в такую рань.
Твоим упавшим волосом
Мне стянута гортань.

* * *

Безрадостна любовь в разлуке вековой.
Пора уже смахнуть на письмах паутину.
Я в затажном прыжке лечу вниз головой,
И звездный ветерок мне зябко дует в спину.

Безрадостна любовь без губ твоих и глаз,
Без видимых примет и без прикосновений.
Какой небесный дух отнял ее у нас?
Обнял тебя, унес — какой жестокий гений?

Безрадостна любовь, сгоревшая в два дня.
По Млечному Пути нельзя шататься праздно.
Лети за мной, лети! Не покидай меня.
Но не губи себя — бессмысленно, напрасно...

* * *

Ты — камушек Вселенной,
Ночной метеорит.
Твой след, слепой, мгновенный,
В душе моей сгорит.
Царапиной отметит,
Звездой в окне блеснет,
Всю жизнь мою осветит,
По сердцу полоснет.

Ты — камушек пространства,
Летучая звезда.
Какое постоянство —
Года, года, года! . .
Так много в них сиянья
И жгучего огня,
Что ты на расстоянье
Испепелишь меня!

* * *

В. Б.

Почему ты мне не пишешь?
Может быть, бумаги нет?
Напиши тогда на крышах
Мне ответ за восемь лет.

Напиши его на свечке,
На заснеженном дворе,
На орешке, на дощечке,
На березовой коре.

Напиши его на шпалах,
На билетах проездных,
На слезящихся вокзалах
И бесслезных мостовых.

Нацарапай, как придется,
Тонкой бритвой на руке.
Кровь по капельке прольется
И засохнет в кулаке.

* * *

Оно почти прозрачным было,
Когда взглянул я на просвет, —
Письмо, которое вместило
Десяток строк и восемь лет.

Уже забытый этот почерк
И женский правильный нажим,
И вдруг — молниеносный прочерк,
С которым в прошлое спешим.

Еще конверта не вскрывая,
Припомнить точно день и час,
Когда завеса дождевая
В том августе укрыла нас.

Увидеть странными глазами
И мокрый скверик, и канал,
И зонтик крохотный над нами,
Что тщетно нас объединял.

И лишь припомнив поминутно
Тот день с начала до конца,
Прочесть письмо — спокойно, трудно,
Стирая быстрый пот с лица.

* * *

Тихо падал белый снег
За прозрачной занавеской.
Падал медленно и веско,
Падал на виду у всех.

Падал и упасть не мог.
Он был внутренне спокоен.
Нет, скорее, сдержан, строен,
Был не выдох он, а вдох.

Падал, словно бы ни в чем
Никогда не сомневался...
Я-то знаю — он держался
На дыхании моем.

СЮЖЕТЫ ВРЕМЕНИ

ФРОНТОВОЙ ОПЕРАТОР

В каком-то неуютном кинозале,
Когда вот-вот начнется детектив,
Когда еще конфетами шуршали,
Портфели на колени положив,

Возник на бледном полотне экрана
Архивный документ военных лет.
Забытый кадр: зима, лесок, поляна
И чей-то на снегу глубокий след.

Сначала все спокойно, и на елях
Тяжелые, нависшие снега
Как будто не слышали о метелях,
Не видели ни ветра, ни врага.

Сначала все спокойно, как на даче,
Как на прогулке лыжников, но вот
Экран качнулся, дрогнул — это значит,
Что оператор по снегу ползет.

Он весь в своих зрачках. Его вниманье
Предчувствует и выстрелы, и взрыв,
И частое горячее дыханье
Туманит на морозе объектив.

Притягивает дуло пулемета
Блестящий механический глазок.
И зал застыл, как будто сжало что-то
За горло. Словно — смерть на волосок.

Еще не поздно! Лед еще не сломан.
Вернуть назад, на студии доснять!
В эпоху комбинированных съемок
Нам трудно оператора понять.

Гремит атака. Надо крупным планом!
Глубокий снег от пули не спасет.
Смотрите — небо плещется экраном.
Запоминайте! Объектив не ждет.

Ловите лица, белые от крика.
Скорее к лесу! Тяжело дышать...
Пускай нечетко, смазанно и криво —
До леса бы, до леса добежать!

Нет, не успел!.. И взрыв уже грохочет,
И небо приближается на миг...
А камера стрекочет и стрекочет,
Своим глазком запоминая мир.

НА СЪЕМКАХ

Кино войну снимает.
Гудит Сапун-гора.
То пулемет стреляет,
То слышится «ура!».

В окопах и на марше
Обычный разговор.
Командует не маршал,
А главный режиссер.

В чалме, как у пирата,
Огню и дыму рад,
Наводит оператор
На войско аппарат.

Борьбу за Севастополь
Изображает флот,
А в небе крутит штопор
Учебный самолет.

И словно для потехи,
Чтоб вышло, как в бою,
Взрывает пиротехник
Механику свою.

Нестрашная, без крови
Кругом идет война...

Отец мой хмурит брови.
Она ему видна.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ БАСТИОН

На Четвертом бастионе тишина.
Вся война как на ладони, вся война.
Та, далекая, что в стогах и в дыму
На горбатых бастионах шла в Крыму.

Будто снова свищут ядра надо мной.
Черноморская эскадра под водой.
Батарея и траншея перед ней,
Сзади город, а вернее — горсть камней.

Вот Нахимов, опираясь на банкет,
В полном блеске адмиральских эполет,
Положась демонстративно на судьбу,
Наставляет на противника трубу.

В завихрении мгновенном, точно смерч,
Только смерть обыкновенна, только смерть.
И на кладбищах на братских всех времен
На могилах их солдатских нет имен.

Неужели Севастополь бился встарь,
Чтоб отметил эту стойкость русский царь?
Неужели был в руины превращен,
Чтобы праздновал Луи Наполеон?

Нет, не в этом дело, право. И, по мне,
Все бесстрашие, вся слава в той войне
Сбереглись, как говорится, про запас,
Чтобы снова повториться в грозный час.

На Четвертом бастионе тишина.
И война как на ладони мне видна.
Та, недавняя, что в стогах и в дыму
Все на тех же бастионах шла в Крыму.

ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИИ

*Памяти С. Ф. Стржелецкого,
археолога из Херсонеса*

Осторожно! Под нами века.
Пять ступенек до древнего мира.
Уважаемый, где ваша лира?
Вместе с лирой отбита рука.

Я спускаюсь к тебе, человек.
Пять ступенек — и нету опоры.
Так вступи со мной в переговоры,
Незнакомый мне тавр или грек!

Потеряй свой тяжелый браслет.
Пусть блеснет среди пыли да камня.
Не скупись, человек! Передай мне
Свой привет через тысячу лет.

И покуда не пробил мой час,
Я спешу к тебе трудной тропой.
Мы сограждане были с тобою —
Так, наверное, скажут о нас.

Этот город нам стоил труда,
И поэтому словом и делом
Мы клялись, словно Солнцем и Девой,
Херсонес не предать никогда!

КНЯЖНА

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой...

Николоз Бараташвили

Далекая картина
Из дедовских времен:
Княжна Екатерина
И колокольный звон.

Из церкви полутемной
Домой спешит легко
Княжна в одежде скромной,
А рядом с ней Нико.

О юноша невзрачный,
Хромой канцелярист!
Зачем с усмешкой мрачной
Пером ты чертишь лист?

Зачем стихи слагаешь
И даришь ей тетрадь?
Как будто ты не знаешь,
Что счастью не бывать!

Не станет ждать поэта
Спокойная княжна.
Княжне тетрадка эта
Почти что не нужна.

Княжна как бы в тумане
Предчувствует в душе,

Что с князем Дадиани
Обручена уже.

Обречена пылиться
Тетрадка до поры.
Ленивая столица,
Уснувшие дворы. . .

Воистину далёко
До будущих времен.
И на горе высокой
Белеет Пантеон.

НА ПОЛИГОНЕ

Прости, я думал о тебе
За проволочным ограждением.
Вращалась в стереотрубе
Земля обманчивым виденьем.

Вращалась близкая Земля.
Был каждый камень на примете,
Леса, озера, и поля,
И, в общем, все, что есть на свете.

Простой оптический обман
Позволил мне увидеть разом
Дорогу, утренний туман,
Солдатика с противогазом.

Просвечивался каждый куст.
В трех километрах шел ребенок.
Был воздух невесом и пуст,
А взгляд внимателен и тонок.

Я видел зрением своим,
Усиленным десятикратно,
Ту часть Земли, где состоим
Приписанными безвозвратно.

Она была невелика
В кружке холодного металла,
И смерти черная рука
Еще стекла не закрывала.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КОЛЬКЕ

Колька, мальчик деревенский!
Ярославский ли, смоленский,
Перевязанный платком,
В трудном городе, где даже
На вокзале жди пропажи,
Рядом с маминым мешком.
На скамейке деревянной,
Как солдатик оловянный,
У поклажи на часах.
Мать ушла. Закрылись двери.
Заблудилась или съели
Волки в каменных лесах?
Колька, спи! Закрой глаза.
Спят смоленские леса.
Лошадь спит. Корова спит.
Над землей звезда висит.
Там, во сне, твоя деревня
Прячет в инее деревья
И пыхтит своим дымком.
Пусть и мне она приснится
Сном, упавшим, как ресница,
Безмятежным детским сном.
Колька, спи! Ровесник малый,
Вестник жизни небывалой,
Позабудь про свой мешок.
В стороне твоей морозной
Ночь шуршит метелью звездной,
Ворошит сухой снежок.

ДЕД ВАСИЛИЙ

Под Угличем, где рыжая корова
Бредет, не зная ласкового слова,
Где зимний вечер длится, как во сне,
Никто не вспоминает обо мне.

Там дед Василий, выйдя на крыльцо,
Ладонью трет шершавое лицо
И неподвижно смотрит на дорогу.
Гостей не видно. Ну и слава богу!

А может быть, ты умер, дед Василий?
Полгода писем мне не приносили.
Давно лекарств тебе не отправлял
И адрес твой, должно быть, потерял.

Ты умер и в Покровском похоронен.
Тебя везли в телеге по дороге
Сквозь три деревни, с богом, налегке,
В наглаженном широком пиджаке...

Но если ты живешь еще на свете,
Тогда прости мне поминанья эти
И напиши, что на дворе зима,
Что все по-старому,
Что нет от нас письма...

Ли-2

Отцу

Ли-2, мой старый друг!
Смешны твои повадки.
Тебе последний круг
Остался до посадки.
Дистанцию свою
Кончаешь на пределе,
Но все-таки в строю,
Но все-таки при деле.
Я слышу, как вдали
Хрипят твои моторы.
С тобой уже с земли
Ведут переговоры.
Мол, хватит, полетал,
Давай другим дорогу!
Истерся твой металл
С годами понемногу.
Мой верный друг Ли-2!
В наш век ракетной тяги
Не умерли слова
О чести и отваге.
За ними бой и труд.
И, если приглядеться,
Они еще живут
В твоём железном сердце.
Как говорится, есть
В пороховницах порох,
Пока осталась честь,
Как топливо в моторах!

ГОСТЬ

Ко мне приходит человек,
Мой запоздалый гость.
В прихожей стряхивает снег,
Потом пальто — на гвоздь.
«Ну, как дела?» — «Да так дела...
По-старому живем».
Мы с ним садимся у стола,
Вино сухое пьем.
Мы говорим с ним о вещах,
Простых на первый взгляд.
И дети на его плечах
Восторженно висят.
«Ну, как дела?» — «Да так дела...
С погодой не везет».
И жизнь — не то что б вся прошла,
Но скоро вся пройдет.
А что останется от нас,
Пока не знаем мы.
Так будем праздновать свой час
Посреди зимы!
Пускай протягивает ночь
Луну, как апельсин.
Пускай вовсю смеется дочь,
Пускай смеется сын.
Пусть наши несколько минут
Мы проведем с людьми...
«Ну, как дела?» — «Дела идут
Прекрасно, черт возьми!»

СНЕЖНАЯ ПОЧТА

Напишем, напишем друг другу
Небрежно, подобно мазку,
Про нашу дневную кольчугу,
Про нашу ночную тоску.
Напишем, что стыдно кривляться,
Особенно с красной строки.
Напишем! Чего нам бояться?
У страха глаза велики.

Напишем, напишем по кругу
Ту снежную почту времен,
Похожую больше на вьюгу
У черных Росстральных колонн,
Когда над Васильевским тучей
Клубится игольчатый снег.
Напишем, надеясь на случай,
Короткие письма для всех.

Напишем, напишем, приятель!
Озябшие руки согрей,
Нащупай во тьме выключатель
И крепкого чаю налей.
Пиши мне мудреные письма
Про бедную совесть и честь,
И если не будет в них смысла,
То будет хоть добрая весть.

И ты, воплощенье отваги,
Мой собственный корреспондент,

Пиши на конторской бумаге
Сюжеты немых кинолент,
Рассказывай долгую повесть
О смысле утраченных лет,
Но все-таки лучше на поезд
Возьми потихоньку билет.

Напишем, напишем все сразу!
Конверт обольем сургучом.
Пускай осторожную фразу
Метель подпирает плечом.
Напишем в тиши до рассвета
Скупой, незаметный привет. . .
Напишем, напишем все это
И в форточку бросим конверт.

У МОГИЛЫ КАНТА

Верни мне логику сознания,
Философ Кант Иммануил,
Чтоб это позднее свиданье
Мне выдержать хватило сил.
Напомни каменной гробницей
О тесных рамках бытия,
Где, как в шкатулке, сохранится
Вся жизнь мгновенная моя.

Какое надобно терпенье —
Ее осилить день за днем,
Чтоб превратить в одно мгновенье,
В пробел на камне гробовом,
Чтоб уместились между строчек
С обозначеньем точных дат
Апрельский ветер, женский почерк,
Вокзальный гул, прощальный взгляд.

В просторном городе, продутом
Студеным, жестким ветерком,
Мы жизнь копили по минутам
Подсчитывая их тайком,
Пересыпая на ладони
Их зыбкий золотой песок,
Пока в гробнице, как в вагоне,
Спал Кант, бессмертен и высок.

Он, осуждающий беспечность,
Спокойно ехал сквозь века
До станции с названьем ВЕЧНОСТЬ,

Пока встречались мы, пока
Твоя рука в моей лежала,
И ночь качала фонарем,
И ты почти что не дышала,
Притихнув на плече моем.

Любимая! Какой философ
Поможет этакой беде?
Неразрешимей нет вопросов.
Мы в НИКОГДА с тобой. В НИГДЕ.
Мы вычеркнуты из объема,
Из времени исключены.
У нас нет крова, нету дома,
И до тебя — как до луны.

Для нас короткое свиданье —
Провал во времени, когда
Бессмертное существованье
Нам тайно дарят поезда.
А философскую систему
Любви — постиг ли кто, открыл?
Что скажет нам на эту тему
Философ Кант Иммануил?

Кого-то подслушать украдкой,
Кого-то увидеть, а там
Вдвоем с молчаливой тетрадкой
За ними пройти по пятам.

И, пользуясь свойствами зренья,
Их судьбы — трудны ли? легки? —
В другое продлить измеренье,
В скупое пространство строки.

Будь осторожен, прохожий!
Ладный, умытый, пригожий
От головы и до пят,
Чувствуешь ли меж лопаток,
Как беспокоен и краток
Мой изучающий взгляд?

Точно анатом над линзой
Или чайханщик над брынзой,
Я над тобою склонен.
Вижу такие детали,
Что до меня не видали
В хрониках прошлых времен.

Плох ли, хорош современник —
Я его преданный пленник.
Он мой заглавный мотив.
Лирика — это не фокус!
Главное — точно на фокус
Свой навести объектив.

ВЯЗАНЬЕ

Старуха вязала носки
Спокойного серого цвета.
От старости или с тоски,
А может, ей нравилось это.

Старуха петельки плела,
Как жизнь свою изображала,
И лампа с пустого стола
Светила и ей не мешала.

И спица, подобна лучу,
Тянула за нитку живую.
«О господи, я не горюю,
Живу я, вяжу я, молчу...»

Старуха вязала носки,
Последние петли сплетала.
Как тени от лампы резки!
Как света приветного мало!

МАРГАРИТА

Вот окошко, где скрыта
Чья-то жизнь от людей.
— Мастер, где Маргарита?
— Дома нянчит детей.

Много стирки и глажки,
Да на завтра обед...
Позабыты замашки
Прежних девичьих лет —

Как плыла горделиво
Среди прочих невест
И дарила лениво
То улыбку, то жест.

Нет той силы и власти,
Нету той красоты...
Ах, наивный мой Мастер!
Ошибаешься ты.

Эта внешность привычки
И погашенный взор
Лучше всякой отмычки
Отпирают затвор.

Ты поймешь постепенно,
Доходя до основ,
Что опасней измены
Прелесть тайная снов.

Пусть до времени скрыты
Эти сладкие сны. . .
— Мастер, где Маргарита?
— На балу сатаны!

В ТЕАТРЕ

Девочка, веточка счастья,
Замерла в третьем ряду.
В ком еще столько участия,
Столько вниманья найду?

Вот она, вроде бы с нами,
Можно потрогать рукой.
Тешится сладкими снами,
Как леденцом за щекой.

Вздрагивая то и дело,
Мятый платок теребя,
Вытянулась, улетела
И позабыла себя.

Это она у кулисы
С детски-безумным лицом
Голосом взрослой актрисы
Молится перед венцом.

Как сохранить ее веру
И оградить ото лжи?
Вся она — вызов партеру
И утвержденье души.

Смолкни, ненужная лира!
Что ей вся наша игра?
Девочке с совестью мира,
Ветке с ростками добра.

СВЕТ СЕНТЯБРЯ

* * *

Тихая осень случится.
Нам наконец повезет.
Слышишь? .. Какая-то птица
Мягкими крыльями бьет.

Не называя причины
Летних страстей и обид,
Осень, как нож перочинный,
Лезвием тонким блестит.

Кажется, тронь паутины —
И ощутишь на руке
Тени неясной картины,
Видимой там, вдалеке.

Словно штрихи на ладони,
Темные меты судьбы,
Расположились на склоне
Клены, березы, дубы.

И в ожидании встречи
С рыжих и красных вершин
Листья слетают на плечи
В легком кругу паутин.

* * *

Друг осенний, драгоценный!
Лист кленовый— ломок, сух.
Мы одни во всей вселенной
На ветру, осенний друг.

Крови нет в твоих прожилках,
Мой печальный верхолаз.
Ветки тонкая развилка
Ненадежно держит нас.

Сведены одной судьбою,
Если только захотим,
Мы продержимся с тобою,
А сорвемся — полетим

Над землей, над едким дымом,
Сизым вьющимся кольцом, —
Ты с лицом неуловимым,
Я с доверчивым лицом.

* * *

Вот роща виновато
Открылась, всем видна.
Словами небогата
И мыслями бедна.

Не пробегают звери,
И птицы не свистят.
Деревья, точно двери,
Ворочаясь, скрипят.

Из норки только мышка
Блестит глазком на мир.
Вся роща, точно книжка,
Зачитана до дыр.

* * *

Хочу тишины, как воды родниковой!
Уже на губах пересохло от лжи.
Бегу от любви бестолковой
На озеро, где камыши
Шуршат, из воды прорастая.
Качается лодка пустая
И хлюпает днищем, и рыба блестит чешуя,
Присохшая к доскам.
Хочу тишины, как жилья
Над берегом плоским.

Блинец-рыболов тонкой удочкой машет,
Невидимой леской свистит.
Его поплавок, точно бабочка, пляшет,
А мой, одинокий, грустит.
Послушай, приятель! Открой мне секрет
Удачного лова!..
А он улыбается. Он мне в ответ
Ни слова.

Послушай, приятель! Песок под ногами уходит.
Бесшумная рыба, как сторож, по озеру бродит.
Надменная рыба блестит, как зрачок.
И ты одинок, и я одинок.
Хочу тишины, разделенной на две половины,
Как на две струны, чтоб у каждого были причины
Молчать до поры, вспоминая о том,

Как падала осень, укрывшись листом,
И что ты сказала.
Давно ли, недавно?.. А может, весной?
Близнец-рыболов замахнулся блесной
Устало.

* * *

В тиши первобытной природы,
У целой Земли на виду,
Пронзительным криком свободы
Я душу себе отведу.

Я вспомню не слухом, а кожей
Призывный охотничий крик,
Шальной, ни на что не похожий,
Что сам в моем горле возник.

Я крикну, как в черную бездну,
И буду ответа я ждать,
Покуда с Земли не исчезну,
Не стану природой опять.

* * *

Другими глазами гляжу
На поле, на лес за рекою.
Кому я шепчу: «Ухожу!..»
Кто хочет проститься со мною?

Еще раз вернуться сюда
Бог знает когда доведется!
Осока блестит, как слюда,
И к берегу темному жметя.

По заводи, как по стеклу,
Бесшумно скользят водомерки
И усики тычут в иглу
Сосновую — так, для проверки.

Как странно! Неделю прожить
И этих чудес не увидеть.
И в спешке — куда нам спешить? —
И поле, и реку обидеть.

Скажи, у кого мы крадем?
Природе поди безразлично,
Что мы, не увидев, уйдем
Степенно, спокойно, привычно.

Она для других сохранит,
Умножив на новых примерах,
Осоки загадочный вид,
Таинственный мах водомерок.

* * *

Какая там птичка щебечет, звеня?
Какая там травка в цвету?
Названья природы темны для меня,
Признаюсь в глубоком стыду.

Простите, растения, бедность мою!
Вы, птицы, простите мой слух!
Я сам ведь неназванный песни пою,
А значит, я брат вам и друг.

* * *

Не знаю, что может быть проще
Осенней щемящей земли,
Когда осыпаются рощи,
А в небе скользят журавли.

Какая иная картина
Могла бы собой заменить
Поля, где плывет паутина
И осень прядется, как нить?

И счастье какое способно
Быть с этим хотя б наравне:
Чтоб родину видеть подробно,
До зернышка в колкой стерне?

* * *

За окном дожди грибные
Утром, вечером и днем.
Если б не жил я в России,
Я бы тоже стал дождем.

Я бы тучкой синеватой
Проплывал над той страной,
Где родился я когда-то
Перед прошлою войной.

Я смотрел бы долгим взглядом
На Россию с высоты.
Все деревни были б рядом,
Все дороги и мосты,

Все леса, поля и нивы...
И повсюду на земле
Люди жили бы счастливо,
Улыбаясь снизу мне.

Плыл бы я дождем желанным,
А потом когда-нибудь
Я упал бы безымянным
Светлой родине на грудь.

Сентябрь, осенний брат!
Неужто нам за тридцать?
В тебе я снова рад
Душою раствориться.

Тебе лишь одному
Скажу без сожаленья,
Что сердцу моему
Не нужно вдохновенье.

Не нужны мне стихи.
Слова бедны и стерты.
Леса твои тихи,
Они ко мне простерты.

У них такая стать,
Что невозможно словом
И звуком описать
Цвет золота в багровом.

И перехлест ветвей,
Сухих листов скольженье —
Скорей души моей
Немое продолженье.

* * *

Вдруг на лестничной площадке,
Выйдя с другом покурить,
Ты поймешь, что на Камчатке
Никогда тебе не быть.

И, ловя себя на слове,
Что порядок, мол, в семье,
Ощутишь брожение крови
Непонятное в себе.

Это давнее томленье,
Зов морей и диких скал
От себя, как преступленье,
Слишком долго ты скрывал.

Ну, скорей! Лови минуту
Непокорности своей.
Разом — бешено и круто,
Как волне, отдайся ей!

Будешь ждать — не хватит духу.
Скажешь сам себе: «Каприз!»
И завоюет зверем глухо
Лифт, проваливаясь вниз.

* * *

Расскажи мне что-нибудь такое,
Чтобы все кончалось хорошо.
Хочется душевного покоя,
Хочется покоя за душой.

Не к тому, что страсти надоели
И переживанья не с руки.
Хочется покоя в самом деле,
Чтобы мысли были высоки.

В сущности, устойчивое что-то
Надобно для отдыха души.
Говори: семья, жена, работа...
Главное, о детях расскажи.

* * *

Положи мне руку на висок.
Слышишь, жилка синяя трепещет?
Мой удел и вправду невысок.
Поважнее есть на свете вещи.

Положи мне руку на глаза.
У меня под веками зарницы.
Отшумела, отошла гроза.
Почему же мне никак не спится?

Я еще живой, и ты жива.
Улыбнемся радостно друг другу!
Мы вдвоем, и не нужны слова,
Только кровь стучит как бы с испугу.

Кто придумал, будто смерти нет?
Быть бессмертным — это некрасиво.
На твоих ресницах теплый свет,
И рука горячая на диво.

* * *

Ты спросишь, почему
Тревожно так на свете.
Тебя я обниму
И не смогу ответить.

Твоих касаясь век
Горячими губами,
Скажу, что этот век
Еще не прожит нами.

Скажу: веселой будь!
Им хорошо живется.
Скажу: когда-нибудь
Все в мире утрясется.

Добавлю, может быть,
Уже неторопливо,
Что детям нашим жить
Достанется счастливо.

* * *

Марше

В самом деле, что дороже
Этих простеньких минут?
Дети Оля и Сережа,
Взявшись за руки, идут.

О каких они предметах
Потихоньку говорят?
О собаках? О конфетах?
Обо всем что есть подряд?

Наш коротенький мужчина
Поспевает за сестрой.
Видно, есть у них причина
Позабыть про нас с тобой.

Наше счастье так обычно,
Что легко его принять
За привычку, за практичность
Или вовсе не понять.

Значит, надо улыбнуться
Птицам, облаку, семье
И нечаянно коснуться
Тайны жизни на Земле.

* * *

За дверью скрипка заиграла.
Я раньше скрипку не любил.
Теперь то время миновало,
Я навсегда его забыл.

Стою на лестничной площадке
И жадно слушаю, как там
Скрипач в таинственном порядке
Разводит ноты по местам.

Струна пиликает так тонко —
Порой не уследить за ней.
Нужна другая перепонка,
Нежнее, может быть, моей.

Стою, и слушаю, и плачу,
И говорю с самим собой,
Что я совсем немного значу
Пред этой скрипочкой сухой,

Которая вот так, невольно,
Случайно, судя по всему,
Заставит плакать добровольно
И неизвестно по чему.

* * *

Памяти Толи Томских

Мой друг необходимый!
Тебе моя печаль,
Таежной струйкой дыма
Протянутая вдаль.

Прости меня — поверил.
Прости — привыкнуть смог
К тому, что срок отмерен
И подведен итог.

Прости, что рядом не был
С тобой в последний миг,
Когда полночным небом
Услышан был твой крик,

Когда вода сомкнулась
И черная звезда
Как будто оглянулась
И пала в никуда.

* * *

Я вдруг почувствовал, что старость
Уже совсем недалеко.
С утра какая-то усталость,
И жить, и думать нелегко.

В душе планируешь поступки
И, заполняя делом дни,
Вполне согласен на уступки,
Когда к спокойствию они.

Отбросив риск, забыв про смелость,
Ты, кажется, уверен в том,
Что наконец пришла, мол, зрелость,
Но зрелость вовсе ни при чем.

Ты просто душу защищаешь,
Но пригодится ли она,
Когда страдания не знаешь
И страсти не испил до дна?

* * *

Искусство прощать позабыто.
Мы к жалости стали глухи
И цедим сквозь мелкое сито
Свои и чужие грехи.

Когда все нужнее прощенье
И все виноватее взгляд,
Напрасно ты жаждешь отмщенья,
Подумай, что годы летят.

Хотя бы в минуту прощанья
Прощение мне обещай.
Ведь я не сказал: до свиданья!
— Прощай! — попросил я. —

Прощай!

* * *

Никакого просвета,
Все дожди да дожди.
Вот и кончилось лето,
А другого не жди.

Красный лист на осине —
Как флажок на пути.
Это стрелочник синий
Не дает мне пройти.

Оглянись и запомни
Все живое вокруг.
А казалось бы, что мне
Эта речка и луг?

Это хлебное поле
И соломенный стог?
Я прощаюсь без боли.
Слава богу, что смог.

То ли зрелость рассудка,
То ли счастье души?
Задержись на минутку
И слезу удержи.

* * *

Свет сентября, прозрачный свет осенний
Освободил мне душу от трудов,
Хотя что может быть обыкновенней
Начала осени и первых холодов?

Вот облако проходит утомленно
Над рощей, порыжевшей на краю,
А я легко и умиротворенно
Смотрю на жизнь прошедшую свою.

Кружится лист, тревога опадает,
Как роща, обнажается душа.
Над полем птица сонная летает,
И молодость уходит не спеша.

Что прошлое? Его уж не поправить.
Свет сентября прозрачен и жесток.
С самим собою незачем лукавить,
И в этом главный, может быть, итог.

Поэтому, легко и беспристрастно
Обозревая свой вчерашний путь,
Я говорю: жизнь все-таки прекрасна!
И думаю: зависит, как взглянуть...

СОДЕРЖАНИЕ

У ПЕТРОПАВЛОВКИ

«Вот город мой: собор граничит с небом...»	5
«В капризном рисунке зимы...»	6
«Дворник со скребком...»	7
У Петропавловки	8
«Завтра, весной, я себя обнаружу...»	9
«Родина, услышь меня каплей!...»	10
«Еще трава растет на свете...»	11
«Серебряный кораблик...»	12
«Предчувствие любви прекрасней, чем любовь...»	13
«Ты с картины Боттичелли!...»	14
«Ты послушай, послушай, послушай...»	15
«Эта белая ночь так тиха...»	16
«Уже незаметное утро...»	17
«Чертой неуловимою...»	18
«Безрадостна любовь в разлуке вековой...»	19
«Ты — камушек Вселенной...»	20
«Почему ты мне не пишешь?...»	21
«Оно почти прозрачным было...»	22
«Тихо падал белый снег...»	23

СЮЖЕТЫ ВРЕМЕНИ

Фронтальной оператор	24
На съемках	26
Севастопольский бастион	27
Хранитель истории	29
Княжна	30
На полигоне	32
Колыбельная Кольке	33
Дед Василий	34
Ли-2	35
Гость	36
Снежная почта	37
У могилы Канта	39
«Кого-то подслушать украдкой...»	41
«Будь осторожен, прохожий!»	42

Вязанье	43
Маргарита	44
В театре	46

СВЕТ СЕНТЯБРЯ

«Тихая осень случится...»	47
«Друг осенний, драгоценный!..»	49
«Вот роца виновато...»	50
«Хочу тишины, как воды родниковой!..»	51
«В тиши первобытной природы...»	53
«Другими глазами гляжу...»	54
«Какая там птичка щебечет, звеня?..»	55
«Не знаю, что может быть проще...»	56
«За окном дожди грибные...»	57
«Сентябрь, осенний брат!..»	58
«Вдруг на лестничной площадке...»	59
«Расскажи мне что-нибудь такое...»	60
«Положи мне руку на висок...»	61
«Ты спросишь, почему...»	62
«В самом деле, что дороже...»	63
«За дверью скрипка заиграла...»	64
«Мой друг необходимый!..»	65
«Я вдруг почувствовал, что старость...»	66
«Искусство прощать позабыто...»	67
«Никакого просвета...»	68
«Свет сентября, прозрачный свет осенний...»	69

Александр Николаевич Житинский

УТРЕННИЙ СНЕГ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1976. 72 стр. План выпуска 1977 г. № 148. Редактор *И. С. Кузьмичев*. Художник *Л. Д. Авидон*. Худож. редактор *М. Е. Новиков*. Техн. редактор *З. Г. Игнатова*. Корректор *Ф. Н. Аврунина*. Сдано в набор 6/VII 1976 г. Подписано к печати 22/XII 1976 г. М 19310. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Печ. л. 2^{1/4}. Усл. печ. л. 3,15. Уч.-изд. л. 1,85. Тираж 10 000 экз. Заказ № 746. Цена 19 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.